

Яйца ночные бабочки откладывают одиночно или группами. Самки могут «отстреливать» их на лету, вводить в ткани растений или аккуратно размещать на предварительно выбранных объектах. Из яиц вылупливаются червеобразные личинки – гусеницы. Пройдя несколько линек, гусеницы превращаются в куколок, которые в большинстве ночных бабочек сплетаются в шелковый кокон. Шелк производится специализированными слюнными железами. Они секретируют богатую белком жидкость, которая при контакте с воздухом застывает в волокно. Это волокно используется для плетения кокона, выстилки подземной камеры, вырытой гусеницей перед окукливанием, сооружения хранилищ, а также для особых приемов защиты от врагов. Через определенный период времени, который зависит от вида и внешних условий, из куколки выходит взрослая бабочка [6, с. 58 - 63].

На территории Украины среди ночных бабочек чаще всего встречаются: Огневки (Pyralidae) – маленькие ночные бабочки, многие их виды являются вредителями, Молли (Tineidae), Бразники (Sphingidae) Сатурния большая (*Saturnia pyri*) – бабочка семейства павлиноглазка и другие, самой большей по численности является семейство Совки. В мире насчитывается более 25 000, в Украине – 673 вида, в частности, совка короткокрыла бура (*Calaophasia lunula*), каптурница пижмова (*Cucullia tanacetii*), совка люцерновая (*Heliothis virescens*), совка яблоневая (*Atethmia ambusta*) и многие другие.

Итак, ночные чешуекрылые представляют интерес не только как часть дикой природы, но и как объекты, которые широко используются в различных направлениях жизни: промышленности, сельском хозяйстве (опылители) медицине (получение биологически активных соединений) научных (создание культур) и эстетических целях (коллекционирование) и др. В последние годы широкую популярность приобрело использование насекомых в качестве биоиндикаторов качества окружающей среды, в связи с этим интерес к ночным чешуекрылым существенно возрос.

Список использованной литературы:

1. Бей-Биенко Г. Я. Общая энтомология / Г. Я. Бей-Биенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 416 с.
2. Воскресенский М.М. До лепідоптерофауни Полтавщини / М.М. Воскресенський – Збірник праць зоологічного музею, 1927. – С. 119 – 146
3. Гусев В. І. Атлас комах України / В. І. Гусев, В. М. Єрмоленко, В. В. Свинчук. – К. : Радянська школа, 1962. – 252 с.
4. Дунаев Е.А. Методы эколого-энтомологических исследований / Е.А. Дунаев. – М. : МосгорСЮН, 1997. – 44 с.
5. Загуляев А. К. Определитель насекомых европейской части СССР. Т. IV. Чешуекрылые. Третья часть // под общ. ред. Г. С. Медведева. – СПб: Наука, 1986. – 504 с.
6. Ключко З. Совки України / Зоя Ключко. – Київ : Видавництво Радського, 2006. – 248 с.
7. Козак В. Т. Комахи України / В. Т. Козак. – Т. : Підруч. 2010. – 224 с.

© Трускавецкая И. Я., 2016

УДК 94(571.1/5)

В.Н. Уйманов

доктор исторических наук, председатель Комитета
по вопросам ГО и ЧС Администрации Томской области

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИСТЕМЕ СИБИРСКОГО ИТЛ (СИБЛАГА) ОГПУ-НКВД В 1930-Х ГОДАХ¹

Аннотация

Рассмотрение элементов карательной системы советского государства в 1920-1930-е годы на примере одного из крупнейших исправительно-трудовых лагерей – Сиблага позволяет получить полную картину

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области. № проекта 14-13-70002.

механизма реализации репрессий с использованием подразделений пенитенциарной системы. Показ условий расселения, занятия трудовой деятельностью, бытового устройства, снабжения продуктами питания и необходимым инвентарем, в частности спецпереселенцев, и достигнутые при этом результаты серьезных преобразований в западносибирском регионе являются прямым подтверждением проведения партийно-советским руководством страны целенаправленной политики по использованию репрессий как мобилизующего фактора в условиях социальной реконструкции общества.

Ключевые слова

Репрессии, пенитенциарная система, Сиблаг, Западная Сибирь, спецпереселенцы.

Keywords

Repressions, penal system, Siblag, Western Siberia, specialimmigrants.

На рубеже 1920-1930-х гг. в советском государстве произошли значительные изменения в карательной политике. Начало этим изменениям положило принятое ВЦИК и СНК СССР 26 марта 1928 г. постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения». Постановление предписывало применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников, воров), дополнять назначение суровых мер репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров.

Другим важнейшим документом, повлиявшим на проведение карательной политики в стране, стало принятое 11 июля 1929 г. постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключённых» (с грифом «не подлежит опубликованию»), которым устанавливалось создание двух параллельных структур мест лишения свободы – в ведении ОГПУ и в ведении республиканских НКВД.

Для нас представляет интерес система мест лишения свободы ОГПУ, основу которой составляли крупные исправительно-трудовые лагеря, создаваемые в отдаленных малонаселенных районах с одновременным расширением уже действовавших. Главной целью их создания было рациональное использование труда заключенных путем концентрации значительных по объему трудовых ресурсов для реализации проектов строительства крупных промышленных объектов и развития инфраструктуры слабо развитых регионов страны, по-простому – колонизация необжитых территорий и их промышленное освоение.

Согласно постановлению СНК «Об использовании труда уголовно-заключённых» ОГПУ было предложено организовать новые ИТЛ в отдаленных районах СССР в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда заключенных. Первым в августе 1929 г. было создано в целях «освоения природных богатств Севера европейской части страны» Управление северных лагерей особого назначения (УСЛОН) ОГПУ. Затем стали создаваться лагеря и в других районах страны, в том числе и Сибирский ИТЛ (Сиблаг).

Идея существования ИТЛ в системе ГУЛАГа была сформирована главой ОГПУ Г. Ягодой и председателем ВСНХ страны В. Куйбышевым, которые 15 мая 1930 г. подписали циркуляр за № 139 «Об использовании специалистов, осужденных за вредительство», в котором указывали, что «использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещениях органов ОГПУ и была направлена на решение хозяйственных, научных, исследовательских задач СССР» [1, с.480].

К 1932 г. в стране сформировалась сеть лагерей принудительного труда, официально преобразованных и переименованных в ИТЛ, абсолютное большинство которых имели четкую отраслевую направленность и специализацию. ГУЛАГ объединял 15 лагерных комплексов, обычно состоявших из лагерных отделений, число которых в разные периоды могло изменяться, единой организованной структуры не было. Лагерные отделения, в свою очередь, имели свои «филиалы», чаще всего это были лагерные пункты и командировки, организуемые в местах нахождения отдаленных рабочих участков.

Сиблаг – другим названием у него было Сибирское управление лагерей особого назначения (СибУЛОН), территориально охватывал центральную и южную части Западной Сибири и часть территории нынешнего Красноярского края. Отделения Сиблага организовывались преимущественно в районах лесозаготовок (территории нынешних Кемеровской и Томской областей) и строительства крупных

промышленных объектов как, например, Кузнецкого металлургического завода и др. Еще одним профильным направлением деятельности Сиблага было сельское хозяйство, так как одной из целей при его создании стояло освоение новых территорий для производства сельскохозяйственной продукции, необходимой в первую очередь, для обеспечения собственных нужд лагеря –питания многотысячной армии заключенных и ссыльных.

Среди других видов производственной деятельности были золото- и угледобыча, строительство железных дорог к северу от Томска – «Итатка – Ксеньевка – р. Чулым (42,5 км) и Горно-Шорской – от ст. Кулеп Томской ж. д. до ст. Таштагол (95 км) для подвоза руды с Таштагольского месторождения на Кузнецкий металлургический завод, строительство 174-ти километрового Нифантовского шоссе в Туруханском крае и Чуйского тракта на Алтае, строительство и обслуживание кирпичных заводов и швейной фабрики в Кузбассе, рыболовство (преимущественно на территории Томской области), выпуск швейной, трикотажной, кожевенно-обувной и иной продукции [2, с.391-393].

В ИТЛ ОГПУ на территории Томского округа на 2 июля 1930 г. находилось 5 010 заключенных и 1 780 кулаков-переселенцев [2, с.7; 3, с. 319-320; 4, с. 185; 5, с.5-7]. Но уже в ближайшие месяцы их число резко возросло. Численность заключенных в период с 1931 г. до 1 января 1938 г. колебалась от 21 149 до 78 838 чел. Всего через лагерь за 1930–1940 гг. прошло почти 565 тыс. заключённых. Для многих лагерь стал перевалочной базой на пути скитаний по местам отбытия наказания. Этапы из Сиблага отправлялись по нарядам ГУЛАГа в другие лагеря страны, обычно на объекты строительства. Так, в 1938 г. только из Алтайского края были направлены в Усольлаг, Севураллаг, Вятлаг, Краслаг, Дальлаг, Бамлаг и др. ИТЛ 11 730 заключенных [6, с.118]. Переселения внутри Сиблага чаще всего касались спецпереселенцев, направляемых из северных районов на промышленные объекты края. Так, в мае 1932 г. в соответствии с решением бюро Запсибкрайкома ВКП(б) из Нарымского края в Кузбасс должны были быть переселены одновременно 3 000 семей для работы в системе «Кузбассугля» [6, с.11-12], «рабочие руки» передавались и на строившиеся завод комбайнов в Новосибирске, на Кузнецкий металлургический завод и другие объекты.

Несмотря на значительное увеличение числа лагерей в 1930-е годы и постоянно растущее число заключенных, основную массу эксплуатируемого государством населения составили спецпереселенцы. По данным отдела по переселенцам ГУЛАГа НКВД, только в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 391 026 семей общей численностью 1 803 392 чел. [7, с.4] В районы Западной Сибири были выселены 17 859 семей из Украинской ССР, Башкирии, Московской и Ленинградской областей. Еще 52 091 семья были переселены на новые места жительства в пределах региона. Таким образом, число переселенных в крае составило 69 950 семей или 17,9% от общего числа выселенных семей. На 1 января 1932 г. в Западной Сибири на учете состояло 265 846 спецпереселенцев (14,7%), больше было только на Урале – 484 380 чел. [8, с. 34].

Сибирские историки, составители сборника «Спецпереселенцы в Западной Сибири...», приводят иные цифры. По их данным, «в результате депортаций 1930–1931 гг. в Западной Сибири в комендатурах Сиблага было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае – 68 тыс. семей или 284 тыс. чел. Согласно статистики Сиблага, 2/3 спецпереселенцев региона составляли местные, сибирские «кулаки», в северных комендатурах их численность достигала 9/10. Результатом политики государства стало удвоение населения в промышленных районах Кузбасса, в северных районах края население почти утроилось – со 119 до 300 тыс. человек [7, с.186,220].

При определении районов расселения специально выбирались места, из которых в силу природных условий было крайне затруднительно совершить побег. В одном из документов ПП ОГПУ Сибкрая от 25 апреля 1930 г. отмечалось, что «изысканы и детально проработаны под расселение необжитые, отдалённые северные районы..., при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к сельскохозяйственному и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные обстоятельства, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)» [7, с.221].

Выселяемое население расселялось в спецпоселках (трудпоселках). Сотни из них были организованы в совершенно непригодных для проживания условиях, где, несмотря на отчаянные усилия спецпереселенцев,

освоение этих мест оказалось невозможным. Трудовые поселения создавались в соответствии с постановлениями СНК 1931 и 1933 гг. На ГУЛАГ ОГПУ были возложены задачи и ответственность по надзору, устройству, хозяйственно-бытовому обслуживанию и трудоиспользованию выселенных кулаков и членов их семей. Управление осуществлялось через районные и поселковые комендатуры.

В ведение Сиблага, по данным на 24.09.1931 г., были переданы все расположенные на территории нынешних Кемеровской и Томской областей спецпоселения – 363 поселка и 6 квартир в Анжерке с численностью населения 295 320 чел. Из 63 211 семей 49 427 (78,2%) были расселены в Нарымском крае, где преимущественно занимались сельским хозяйством и лесоразработками.

Описанные условия расселения спецпереселенцев были хороши в качестве естественной «режимной меры», но сыграли с властью «злую шутку». Как свидетельствовал один из участников расселения в 1929 г. кулаков в междуречье Кети и Чулыма, И. Бочарников: «Расселение началось в соответствии с поступившими указаниями. (Фельдгегерем ему были доставлены топографические карты из ГУЛАГа ОГПУ с отметками будущих поселений, которые он должен был рассматривать в качестве руководства к действию.) Всё «происходило просто, без особых хлопот и выбора места для будущего села. Бралась «пачка» из трёх-четырёх тысяч людей и подконвойно сопровождалась до отметки ГУЛАГа. На карте с отметкой «новое поселение» значился лес или взгорье, или луг, а в действительности здесь хлюпало болото. А в ином месте селение предполагалось ставить посреди озера, которое на карте не значилось. ...[Стало] ясно, что карты ГУЛАГа липовые, не соответствуют действительности, составлены наспех». На запрос Новосибирска с очередной просьбой об использовании карт Поливахи (бывшего царского чиновника. – В.У.) был получен отрицательный ответ и шифровкой было сделано замечание, чтобы меньше пользовались рацией «для неразглашения государственных секретов», а по вопросам расселения сосланных и снабжении их продуктами питания больше не обращаться [7, с. 186,220].

Результаты проведенного расселения нашли отражение в справке Сиблага в Запсибкрайисполком о хозяйственном использовании и бытовом устройстве спецпереселенцев в крае, подготовленной не позднее марта 1932 г., в которой отмечалось, что «планом, согласованным с РИКаи, предусмотрено: всего переселить в этом году 10 961 семейство спецпереселенцев... Причинами, побудившими к переселению, были: недостаток земли – 7 042 семьи (64,1%), непригодность земельных участков – 605 семей (5,5%), их затопляемость – 576 семей (5,3%), расположение на болоте – 522 семьи (4,8%), отдаленность от места работ – 243 семьи (2,2%), отсутствие у участков производственных перспектив – 1 501 семья (13,7%), отсутствие воды – 472 семьи (4,4%).

При этом следует заметить, что обустройство спецпереселенцев на необжитых таежных просторах сопровождалось высочайшей смертностью. По этой причине, например, краевые власти вынуждены были направить на территорию Кулайской комендатуры в бассейн р. Ягыл-Яг, куда выселили «кулаков» Омского округа, представительную комиссию из Новосибирска. О результатах десятидневной работы комиссия 19 августа [1930 г.] доложила на заседании с участием представителей ОГПУ, прокуратуры, ЗСКАУ, административного управления Омского округа, земельного и переселенческого управлений, Сибздрава. В докладе, в частности отмечалось, что «высланные кулаки расселены за болотами на весьма низком месте – четыре посёлка во время весеннего половодья затопляются. По приблизительному подсчёту можно насчитать 2 500 га чуть-чуть возвышенных мест, остальная часть заболочена и покрыта моховыми рямовыми болотами... Постройка произведена: избышки без моху, прорезаны окна, но не застеклены ввиду отсутствия стекла, крыши отсутствуют, заброшены кое-как берёзовой корой, полы в очень редких избышках деревянные, большинство – земляные. На вспаханных почвах произрастание огородных культур остановилось на стадии развития первых листов. ...До 16 июня включительно, в утренние зори температура доходила до ноля градусов, было несколько инеев, почва в низких местах до сих пор промёрзшая, протаяла не более чем на 1 – 1,5 метра... Заниматься там сельским хозяйством, учитывая вышесказанное и большую затрату рабочей силы на раскорчёвку леса, – хозяйственно нецелесообразно...».

Из прибывших на место расселения 8 891 «кулака», к моменту приезда комиссии, сбежали 6 622, умерли 80, были освобождены 208 чел., остались на месте 1 607, в основной массе это старики, дети, больные и те, кто рассчитывал на освобождение. Ввиду малого пайка в пищу добавляли травяные и древесные

суррогаты, вместо чая употребляли перегнившие шишки. «Заболеваемость доходит до 80 процентов населения, преобладают желтизна, опухоли, дизентерия, совершенно отсутствует какой бы то ни было учёт, даже неизвестно о родившихся и умирающих...».

С учетом изложенного, комиссия предложила перевести «кулацкие» хозяйства в другое место, более подходящее для занятия сельским хозяйством. «А наличный штат комендатуры, в связи с его переутомлённостью и истрёпанностью нервов, требует немедленной замены...» [7, с.186,220].

По результатам доклада комиссии практически все «силовики» выступили против переселения, приводя аргументы: акт комиссии односторонен и не указывает положительные факты местности, ликвидировать комендатуру не следует; бегут «кулаки» с места расселения не из-за голодного пайка, а из «нежелания осваивать эти места и непримиримости», переводить их на юг «было бы сейчас очень нелепым»; в переселение уже вложены средства, если переселять, то надо вкладывать вновь и насколько это необходимо и т.д. Таким образом, никто из участников совещания даже не выразил сожаления о случившемся, не признав хоть доли своей вины в случившемся – ведь речь шла о кулаках, которых государство объявило врагами.

Другой проблемой являлся голод. И. Бочарников рассказывал, что при сопровождении колонн сухой паек на дорогу выдавали лишь конвою и комендантам. Спецпереселенцам ничего из продовольствия не полагалось. «...Кое-кто... успел захватить с собой малую толику ржаных сухариков, но ко дню сухопутно-пешеходно-тележного путешествия оных сухариков не оставалось в мешках ни грамма, и семьи питались бог знает чем. От голода и слабостей многие не могли двигаться, их укладывали на повозки. Многие от слабости и истощения умирали, их хоронили на обочине дороги, вырывая неглубокие могилы...».

Летом, в основном, жили на подножном корме – питались рыбой, ягодами, съедобными растениями, кедровыми шишками. Зимой 1929–1930 г. питаться практически было нечем. От цинги, тифа и просто от истощения умирали тысячами. Хоронить не успевали и укладывали трупы в штабеля на берегу реки. В 1930 г. стало поступать продовольствие и были созданы некоторые запасы. Но охрана и помощники-уголовники активно разворовывали их, пропивали. «Муку, сахар, крупу по скудости запасов делили ложками. Соль – щепотью. Тушенка обычно уходила на сторону.

...Очищая совесть за людскую гибель, выполняя инструкции, я каждую декаду строчил донесения с обозначением числа погибших от тифа, цинги, замерзших и умерших голодной смертью и т.д. Я указывал о необходимости принятия неотложных мер по спасению людей, но полномочное представительство в ответ на мои просьбы хранило упорное молчание.

...После первой зимы от сорока тысяч человек лишенцев в живых осталось ещё половина. После второй – едва пять тысяч. Подсчёт был точный. Я сам посылал сведения... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков – единицы. Детей – никого...» [9].

Для окончательного представления района расселения вышеуказанных «кулаков», приведу выдержку из официального документа: «Материалов, уточняющих экономику данного района (Кето-Чулымского. – В.У.) от комендатуры не имеется. ...Большая удалённость от сибирской магистрали и отсутствие водной системы сообщения, так как Кеть ...не судоходная, что, конечно, имеет весьма существенную роль в экономике района.

...Почва земли... в преобладающем большинстве светло-серая подзолистая, почему для разведения с[ельского] х[озяйства] является скудной. Отсюда сельское хозяйство возможно при условии севооборота кормовых культур или при значительных удобрениях, и всё же, благодаря суровости климата, пшеница там не вызревает. ...Что касается лесоразработок, то, несмотря на тысячные лесные там пространства, последние, весьма скудного качества (лес на 80 – 90 % фаутовый) (поражённый болезнями и вредителями. – В.У).

Большое значение будет иметь для района намеченный (и уже утверждённый СКИКом) к постройке в 1930–1931 гг. писчебумажный комбинат в д. Ворожейка стоимостью в 20 млн рублей. Здесь также может вопрос с постройкой комбината встать в зависимость от постройки Томско-Енисейской трассы (железнодорожной). – В.У.)» [7, с.106].

А вот как описывал состояние поселков спецпереселенцев в 1931 г. Прокурор Верховного Суда СССР П.А. Красиков: «В Нарымском крае водворено до 50 тыс. кулацких хозяйств, численностью до 200 тыс. чел.,

выдворенных из районов сплошной коллективизации... Количество нетрудоспособных, включая детей, в среднем составляет 50% общего населения кулацких посёлков, а в некоторых районах и выше.

В большинстве районов края спецпереселенцы в хозяйственном отношении устроены неудовлетворительно. ...Жилостроительство своевременно начато не было. В результате ... по ряду посёлков положение с жилищем крайне обострилось и переселенцы к началу зимы оказались в шалахах и землянках, не защищающих от холодов и дождей. Это положение усугублялось... необеспеченностью тёплой одеждой и обувью... Почти все посёлки, стоящие на больших расстояниях от водных путей, к концу навигации продовольствием обеспечены не были... Медобслуживание поставлено неудовлетворительно. Сеть медпунктов совершенно недостаточна.

В результате высока смертность стариков и детей, особенно последних. Так, по Парабельской комендатуре в течение лета по 1 сентября умерло: 1 375 человек, из них 1 106 детей. По Средне-Васюганской комендатуре с момента расселения спецпереселенцев по 1 сентября умерло 2 158 чел., или 10,13% к общему составу, из них ...детей – 1 559... На Нижне-Васюганской комендатуре за время с июля по 1 сентября ...умерло 1 166 чел., из них ... детей до 11 лет – 1 003 и подростков от 11 до 16 лет – 56 чел.»[11,с.236-237; 12, с. 81-82].

В общем балансе рабочей силы лесной промышленности Нарымского края спецпереселенцы занимали значительное место. Однако её использование было поставлено совершенно неудовлетворительно. Ряд работников лесотреста считал, что эту рабочую силу можно эксплуатировать, не заботясь о её материально-бытовых условиях, что ярко иллюстрировалось заявлением директоров Могочинского и Молчановского лесотрестов, которые заявили: «Спецпереселенцев надо держать как можно больше в чёрном теле». Заботы об улучшении материально-бытовых условий рассматривались как «правый уклон».[12,с.82].

Начав «переселение», государство первоначально старалось снабжать переселенцев продовольствием. Только в первой половине 1930 г. выселенным в Сибирь кулакам были предоставлены: 91 тыс. ц муки, 10 тыс. ц крупы, 2,5 тыс. ц сахара, 20 тыс. ц рыбы, 786 ц растительного масла и др. продукты². В июне 1930 г. Наркомторгом СССР были даны указания союзным объединениям о выделении для спецпереселенцев, в частности для Сибири, продовольствия (в тоннах): муки – 9 743, крупы – 989, сахара – 313,9, масла растительного – 113,6, рыбы – 2 844, а также мыла – 60, овса – 2 400. Но сюда вошли и объёмы марта-июня 1930 г.

«В связи с окончательным решением вопроса о нормах снабжения спецпереселенцев» были приведены размеры этих норм: хлеба – 300 г в день или 6,5 кг муки в месяц (взрослое население, занятое на работах по освоению колонизационного фонда, подлежало снабжению из расчета 500 г хлеба в день или 10,8 кг муки в месяц), крупы – по 20 г в день (для отправляемых в особо отдаленные районы эта норма могла увеличиваться до 30 г, но при условии, если в приварке отсутствовали капуста, картофель и т.д.), сахара – 6 г взрослому и 12 г детям до 12-летнего возраста, растительного масла – ввиду крайней ограниченности норма не была установлена, детям до 12 лет –

свыше 6 г в день, рыбы – 75 г, мыла – в зависимости от ресурсов, исходя из примерной нормы от 50 г в месяц на одного человека [13].

Запсибкрайкомом для выселяемых также были разработаны и утверждены нормы путевого довольствия и снабжения на местах расселения. По этим нормам ежедневная выдача муки составляла 300 г, сахара взрослому – 6 г, детям – 9 г, подболтки – 2 г, соли – 15 г, крупы – 20 г, лука – 15 г, картошки – 195 г, капусты – 100 г, рыбы – 75 г и т.д. Перец и лавровый лист были исключены, животное масло не полагалось, а растительное – только для детей. Но этого, вне всякого сомнения, было недостаточно.

В Инструкции по организационному построению выселения кулацких хозяйств в северные районы ЗСК также были определены нормы выделяемого продовольствия на одно хозяйство. Муки на 2 месяца – 72 кг, крупы – 5, соли – 3,6. Всего на семью – 81,4 кг (так в тексте. – В.У.) на 2 месяца. Норма определена из расчета 4-х едоков в одном хозяйстве, а если их было больше, то нормы не увеличивались, просто порции

уменьшались соответственно количеству едоков [14]. Однако эти нормы были разработаны уже по прошествии почти полугода после начала кампании переселения, но на практике стали реализовываться позднее, и в неполной мере.

Переселяя десятки тысяч человек в глухую тайгу, большевистское руководство страны предполагало получение серьезных результатов их трудовой деятельности. Так, постановление СНК СССР «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае» ставило перед западносибирскими организациями задачу в течение двух лет полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей для снабжения спецпереселенцев и перейти на снабжение продуктами собственного производства. С этой целью предполагалось спецпереселенцам края отвести «земельных фондов 855 000 га, из коих землеустроить в 1932 г. 427,5 тыс. га (т.е. ровно половину. – В.У.), раскорчевать 75 690 га, построить 970 колодцев и проложить не менее 285 км проселочных дорог. Освоить под полевые и огородные культуры не менее 34 700 га» [15]. Для реализации этих планов предполагалось задействовать 55,7 тыс. спецпереселенцев Галкинской, Тоинской, Парбигской и Шегарской комендатур края. Еще 160,2 тыс. спецпереселенцев Ново- и Средне-Васюганской, Парабельской, Кетской, Кето-Чулымской и Александро-Ваховской комендатур должны были заниматься лесоповалом [16, с. 87-89]. Следует обратить внимание, что в более суровые и неподготовленные районы планировалось заселение втрое больше, чем в районы с более благоприятными условиями. Одно это уже на первом этапе предполагало значительно большее число жертв от пребывания в неблагоприятной для человека среде без создания условий и соответствующей подготовки.

Среди множества документов по «кулацкой ссылке» нельзя не остановиться еще на одном, подготовленном начальником комендантского отдела ПП ОГПУ по ЗСК И. Долгих – «Докладной записке об организации совхоза на Галке» – речь шла о территории, расположенной в границах Чаинского (ныне Бакчарского района Томской области). Суть записки сводилась к использованию труда спецпереселенцев для преобразования Нарымского края. По предложению Долгих, Галкинские гривы (бассейн р. Галка площадью 70–75 тыс. га) позволяли организовать «мощное показательное земледельческо-лесьное и скотоводно-коневодческое хозяйство, могущее питать продовольствием, семенами, рогатым скотом, породистыми лошадьми, свиньями, продуктами молочного хозяйства, мёдом и кустарными изделиями не только наши комендатуры, но также и весь Нарымский край».

План был представлен в форме экономической программы по созданию совхоза-комбината. Вывод проекта – при вкладывании в его реализацию примерно 700 тыс. руб., можно создать крупный экономическо-культурный центр в Нарымском крае. Реализация плана возможна «только при заброске на Галку 6–8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев и жестокой эксплуатации их в течение двух–трех лет для того, чтобы проложить дорогу, осушить болота, произвести раскорчёвку гарей и рек, сделать их судоходными...». Замечу, что район, о котором идет речь, очень сильно заболочен.

Летом 1931 г. началось претворение в жизнь этого проекта – строительство дороги, соединявшей район освоения с Томском, и раскорчевка тайги под будущие плодородные нивы. Эксплуатация переселенцев действительно была жестокой. Уже в течение первого года численность поселенцев Галкинской комендатуры уменьшилась на 20%. Из 7,4 тыс. чел., преимущественно мужского населения, к осени 1932 г. в живых осталось 5,9 тыс. чел. Желание добиться намеченной цели любым путем вылилось в дальнейшее увеличение численности комендатуры до 12 тыс. чел., но работа по созданию ГУЛАГовского «шедевра» завершена так и не была [17].

Привлечение в Западную Сибирь сотен тысяч рабочих рук заметно повлияло на экономическое развитие региона. Были возведены крупные промышленные предприятия, открыты новые шахты и рудники, построены тысячи километров автомобильных и железных дорог, сотни мостов, зданий, гидротехнических сооружений и многое другое. Только по данным официальной статистики, в 1930–1937 гг. спецпереселенцами было раскорчевано 183 416 га и расчищено от кустарника и мелкого леса 58 800 га. Основной объем этих работ пришелся на Нарымский край (138 600 га) и северные районы Омской области (20 150 га), т.е. на Западную Сибирь пришлось почти 2/3 (65,54%) из всего этого объема. Из 2 988 га осушенных по РСФСР болот на Новосибирскую область (преимущественно в Нарыме) приходилось более половины – 1 500 га. Из 1 662 280 га освоенных земель на Новосибирскую и Омскую области пришлось 1 106

222 (1 054 000 и 52 222 га соответственно). К сожалению, достаточно многое из очищенного, раскорчеванного и осушенного было брошено и вновь было поглощено тайгой и болотами.

Силами спецпереселенцев на 1 января 1938 г. в бездорожных районах были проложены 7294 км дорог, в том числе 3 812 км в таежно-болотных районах Нарыма и 593 км – в северных районах Омской области, или 60,4% от общей протяженности построенных спецпереселенцами дорог. Протяженность Нарымских дорог складывалась из 165 км дороги союзного значения «Богородск – Галка», 162 км дороги краевого значения «Суслово – Тегульдэт», 1 589 км полевых дорог и 1896 км межпоселковых дорог. Кроме того, было выстроено до 10 км различных мостов и труб и до 150 км настилов и гатей. Строительство дорог стало первоочередным делом для малозаселенного Нарымского края. К моменту расселения спецконтингентов между многими населенными пунктами имелись только труднопроходимые тропы. Наиболее сложная ситуация была в районах расселения по рекам Кеть, Чулым, Парабель и др. Поэтому еще в 1931 г. было уложено либо капитально отремонтировано до 1 000 км дорог.

С учетом большой обводненности районов расселения спецконтингентов остро стоял вопрос поддержания связи с участками расселения. Для этого были проведены значительные работы по очистке рек, частичному углублению русел или их спрямлению, что позволило сделать судоходными 3 500 км водных путей. В процессе мелиоративных работ сооружено 28 водных бассейнов, построено 475 колодцев для подъема питьевой воды. За 1934–1937 гг. осушено болот общей площадью 1 402 га, в том числе 520 га в районе упоминавшейся Галкинской комендатуры.

Посевные площади увеличились с 1931 по 1937 гг. в 10 раз, с 8 тыс. га до 82,1 тыс. га. Только в 1937 г. план раскорчевки-расчистки был выполнен в объеме 8 396 га. [18, с.32].

Спецпереселенцы были расселены практически по всему западносибирскому региону. На 1 июля 1938 г. в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях было 648 трудпоселков, в которых проживало более 242 тыс. чел. В Нарыме основная их масса была занята в сельском хозяйстве и лесодобыче. В Омской области (после образования в 1934 г.) спецпереселенцы были расселены в 13 районах, где размещалось 120 трудпоселков (на 1 января 1935 г. в них числилось 52 330 чел.). Районами преимущественного расселения были северные – Тарский, Знаменский и Тевризский. К основным видам производств относились работы сельхознаправленности и кустарные промыслы – сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, бобы, лен, коноплю, картофель, овощи, разводили скот, устраивали мельницы, занимались дегтекурением, рогожеплетением, пимокатным и бондарным делом, валили лес [18, с.32].

На Алтае спецпереселенцы также трудились в сельском хозяйстве и на объектах переработки сельхозпродукции. Так, на 1 марта 1933 г. только в системе Сахаротреста числился 2 601 переселенец [7, 123]. На 1 апреля 1940 г. в ОИТК УНКВД по Алтайскому краю в 20 спецпоселках и 19 трудпоселках было размещено 2 098 семей (8 945 чел.).

В Кузбассе, по данным на сентябрь 1933 г., до 40% всей рабочей силы, занятой в угольной промышленности, составляли трудпоселенцы – 41 512 чел. [7, с.150] В 1941 г. по тресту «Анжеруголь» (Анжерская комендатура) имелось 49 мастеров угля, 253 стахановца и 531 ударник из числа трудпоселенцев. По тресту «Прокопьевскуголь» (Прокопьевская комендатура) – мастеров социалистического труда – 231, стахановцев – 794 и ударников – 2 113 чел. [7, 99] В Омской области в указанный период поселенцы в основном использовались на работах треста «Обьлес» – 2 550 семей, «Обьрыбтреста» – 3 371, в горстрое – 240 и в Интегралцентре – 113 семей [7, с.81].

На начало 1938 г. в «кулацкой ссылке» на этот же период времени существовали 141 неуставная кулспромартель, охватывавшие 8 181 чел. Из этого числа на Западную Сибирь приходилось 111 (51 и 60 в Новосибирской и Омской областях соответственно). В регионе работали 452 неуставных сельхозартели из 1 058 по СССР, т.е. 42,7% [8, с.48-50].

На протяжении всего периода 1930-х годов руководство СССР продолжало политику хозяйственного освоения отдаленных районов страны за счет насильственного переселения в эти районы «провинившихся» перед государством граждан. Западная Сибирь была одним из основных центров такого переселения. Будучи помещенными в тяжелейшие условия без средств существования, многие из них погибли или стали жертвами произвола и бездеятельности представителей местных органов власти. Другая часть, попавшая в места

активного промышленного строительства, была несколько в лучшем положении, но также была вынуждена переносить тяготы и лишения.

Таким образом, спецпереселенцы в Западной Сибири в 1930-е годы являлись основным контингентом, подведомственным органам ОГПУ–НКВД, которые, при непосредственном участии партийно-советского руководства края, через систему Сиблага и его структурные подразделения – комендатуры – осуществляли полный контроль за расселением прибывавших спецпереселенцев, решением вопросов их бытового устройства, организации режима пребывания и организацию трудовой деятельности.

К середине 1930-х годов Сиблаг превратился в развитую экономическую структуру, оказавшую серьезное влияние на всю социально-экономическую обстановку в регионе. Нередко, это влияние было значительнее влияния местных властей, в силу отсутствия у последних реальных материальных ресурсов, в частности, по организации жизнедеятельности спецпереселенцев.

К началу 1940-х годов спецпереселенцы составляли значительную часть трудоспособного населения региона, занятого в основных отраслях хозяйственного механизма. Благодаря их самоотверженности и трудолюбию, Западная Сибирь превратилась в развитый экономический район СССР. Достигнуто это было не благодаря системе и организации ГУЛАГа, а в результате высочайшей самоотдачи спецпереселенцев, так как подневольный труд «жителей» ГУЛАГа не был эффективен и экономически оправдан, носил чаще всего экстенсивный характер.

Список использованной литературы:

1. Ильинский М. Нарком Ягода. - М.: Вече, 2005.- 766 с.
2. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. - М.: Звенья, 1998. – 600 с.
3. Из истории земли Томской. Народ и власть. Сб. документов и материалов 1930–1933. – Томск. 2001. -447 с.
4. Солодкая Т.И. Становление уголовно-исполнительной системы на Алтае в 1917–1941 гг. // История становления органов внутренних дел России: взгляд из XXI века. Сб. ст. – Барнаул, 2001. – С.179-192.
5. Неизвестный Кузбасс. Вып. 2. Тоталитарная система: Палачи и жертвы. Сб. арх. док. - Кемерово, 1995. – 248 с.
6. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. - 1994. - № 1. - С. 118.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск, 1993. – 341 с.
8. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. - М., 2003. – 540 с.
9. Елегечев И. Со слов Ивана Терентьевича... // За Советскую науку. – 1989. - 15 июня.
10. Макшеев В. Спецы. Исследование. – Томск, 2008. – 177 с.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / Т. 3.. – М.: Росспэн, 2002.- 1003 с.
12. Режим личной власти Сталина. К истории формирования/ под ред. ЮС.Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. - С. 82.
13. Секретное циркулярное письмо Наркомторга РСФСР о нормах снабжения спецпереселенцев продовольствием от 2 июля 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск, 1993.
14. Центр документации Новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л.12.
15. Выписка из постановления СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае». ЦДНИ ТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
16. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства.- М., 1997.
17. Секретная докладная записка начальника ОТП УНКВД по Новосибирской области И. Долгих о передаче хозяйственной деятельности отдела в ведение Новосибирского облисполкома от 5 февраля 1938 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск, 1993. - С. 218-242.
18. Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. А-Б. – Омск: Омское книжное издательство, 1997. Т.1. - 480 с.
19. Из объяснительной записки директора Сахаротреста в Запсибкрайисполком по вопросам жилищно-бытового устройства спецпереселенцев от 20 марта 1933 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938... С. 123.

© Уйманов В.Н., 2016.